

Человек как источник зла в рассказах «Попугайчик» Виктора Ерофеева и «Заседание завкома» Владимира Сорокина

Opalin, Dorotea

Undergraduate thesis / Završni rad

2018

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:771456>

Rights / Prava: [In copyright](#) / [Zaštićeno autorskim pravom](#).

Download date / Datum preuzimanja: **2023-12-08**

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i
književnosti
Katedra za rusku književnost

Završni rad

***ЧЕЛОВЕК КАК ИСТОЧНИК ЗЛА В РАССКАЗАХ «ПОПУГАЙЧИК» ВИКТОРА
ЕРОФЕЕВА И «ЗАСЕДАНИЕ ЗАВКОМА» ВЛАДИМИРА СОРОКИНА***

student: Dorotea Opalin

mentor: dr. sc. Ivana Peruško Vindakijević, doc.

ak. god.: 2017./2018.

U Zagrebu, 25. rujna 2018.

Содержание

1. Введение.....	4
2. Виктор Ерофеев.....	6
2.1. <i>Попугайчик</i> – анализ.....	6
3. Владимир Сорокин.....	9
3.1. <i>Заседание завкома</i> – анализ.....	9
4. Сходства и различия.....	13
5. Заключение.....	15
6. Литература.....	16
7. Sažetak.....	18
8. Ključne riječi.....	19
9. Životopis.....	20

1. Введение

Эта курсовая работа будет заниматься анализом рассказов *Попугайчик* Виктора Ерофеева и *Заседание завкома* Владимира Сорокина. Ерофеев и Сорокин – русские писатели «шизоаналитического постмодернизма» (Скоропанова 2001: 223). Оксана Владимировна Мороз в своей статье *Культурологические проекты современной литературы: две волны русского постмодернизма* утверждает, что: «русский постмодернизм воспринял идеи десиминации и деконструкции, однако применял их для игр с политическим языком Идеологии, а не для дешифровки гибридно-цитатного метаязыка симулякров вообще» (Мороз 2015: 80). Кроме того, она утверждает, что «эти "русские" игры с культурным бессознательным, осуществлялись не только на уровне разоблачения катастрофичности привычной повседневности. В поэтике постмодернизма создавалась атмосфера пессимистической дистопии» (2015: 80). Поэтому главная цель Ерофеева и Сорокина (и постмодернистов вообще) – шокировать и они этого легко достигают разными типичными для постмодернизма приёмами. Более того, Оксана Владимировна говорит, что: «Основа постмодернистских проектов – человек, его практики и интенции» (82).

В обоих нарративах авторы подробно описывают ужас, т.е. насилие и садизм. Их рассказы насыщены сценами насилия и разными ужасными и отвратительными признаками. Кроме того, в повествовательном мире Сорокина и Ерофеева много элементов натуралистической эротики, гротеска и абсурда. Главной целью этой работы является своего рода анализ героев в рамках насилия. Основная задача, иными словами, показать как Ерофеев и Сорокин шоковой терапией пытались затронуть тему насилия, т.е. мрачных сторон человеческого ума. Можно сказать, что их основным повествовательным приёмом является провокация, не только на эстетическом, но и на этическом уровне. Они, обнаруживая глубоко скрытые пораженные желания и капризы человека, бросают вызов мнению, психику и мораль *homo sovieticus*, и человека вообще.

Первая часть этой работе – описывание поэтик Виктора Ерофеева и Владимира Сорокина и анализы выбранных рассказов, *Попугайчик* и *Заседание завкома*. Вторая часть есть своего рода сравнение рассказов, перечисление сходств и различий. И так, мы увидим, являются ли Ерофеев и Сорокин похожими или отличаются.

Многие литературоведы и критики говорили о Ерофееве и Сорокине. Когда я писала о Ерофееву и насилию, я пользовалась эссе *Жизнь во фрагментах: Эссе о постмодернистской морали* Зигмунта Баумана, статьёй *Русский сад, или Виктор Ерофеев без алиби* Евгения Ермолина, книгой *Маркиз Де Сад, Садизм и Хх Век* Виктора Ерофеева и его статьёй *Русские цветы зла*. Когда я писала о русском постмодернизме и о поэтике Ерофеева и Сорокина, я ссылалась на книги *Русская постмодернистская литература* Ирины Степановны Скоропановой, *Постмодернизм: Монография* Бориса Петровича Борисова, *Современная русская литература – 1950-1990-е годы* Наума Лазаревича Лейдермана и Марка Липовецкого и на статью *Культурологические проекты современной литературы: две волны русского постмодернизма (Вен. Ерофеев, В. Сорокин)* Ольги Владимировны Мороз. Когда речь шла о Владимире Сорокине, я ссылалась на диссертацию *Абсурдистские тенденции в творчестве В. Г. Сорокина* Максима Петровича Марусенкого, на статью *Тело текста. Заметки о прозе Владимира Сорокина* Ольги Сергеевны Исаковой и на книгу *«Это просто буквы на бумаге...» Владимир Сорокин: после литературы* Марка Липовецкого, Ильи Калинина и Евгения Добренко.

2. Виктор Ерофеев

Литературовед Ирина Степановна Скоропанова в своей книге *Русская постмодернистская литература* утверждает, что Виктор Ерофеев свою творческую деятельность начинает в середине 80-х гг. и в своей литературной деятельности движется от традиционных форм реализма к так называемому «грязному реализму» (Скоропанова 2001: 236). С помощью шизоанализа, он стремится обнаружить деструктивные импульсы коллективного бессознательного в поведении людей. Его цель – показать то, что скрытое в глубинах человеческих душ, и он это объективирует с помощью симулякра. Более того, его любимым приёмом является пастиш.

2.1 Попугайчик – анализ

Один из самых известных плодов его таланта, который одновременно в этой работе служит и хорошим представителем постмодернизма, является рассказ *Попугайчик*, опубликован в 1991 году в одноимённом сборнике рассказов. Этот рассказ на самом деле – письмо палача, адресованное отцу замученного мальчика, чья вся вина в том, что он пытается воскресить умершего попугайчика: «принудить птицу к противуестественному полету» (Ерофеев, эл. публ.). Можно сказать, что темой этого текста является насилие, т.е. взаимоотношение палача и жертвы. Этот рассказ, на самом деле, описывание мучения ребёнка. У человека есть выбор: быть моральным и добродетельным или быть аморальным и мучить люди, то есть пирчинять им боль и вред, из-за своего эгоизма. В своём эссе *Жизнь во фрагментах: Эссе о постмодернистской морали* британский социолог и профессор Зигмунт Бауман пишет:

«Моральность предпослана возможности существования человека; до всяких авторитетных объяснений, что есть добро, а что зло, мы уже стоим перед выбором, ответственность за который не исчерпывается никаким сводом правил; моральная жизнь - постоянный выбор наугад до всяких правил» (Бауман 1995: 2).

Эта цитата говорит именно о том, что человек имеет право на выбор. В рассказе *Попугайчик* множество жесткостей. Рассказ насыщен сценами садизма, мучения, которые приводят читателя в состояние шока. Мученики в произведениях Ерофеева – дети, наивные души и это ещё один элемент, который глубоко поражает читателя: «Сложения сынок ваш, Ермолай Спиридонович, оказался деликатного, можно даже заметить, сублильного» (Ерофеев, эл. публ.). Все эти сцены, а также и поведение героев

(палача и жертвы) указывают на разрушение мифа о морали, т.е. о нравственном поведении человека. Более того, рассказ Ерофеева можно воспринять, как крушение этого мифа. Самым главным мотивом этого рассказа является проблема зла, злоба мира. Писатель фокусируется на скрытую дикость и злобу, о которой не принято говорить. Как палач сказал в тексте: «Страсть сия – глубокая тайна» (Ерофеев, эл. публ.).

Как уже сказано, провокация одна из многих особенностей поэтики Ерофеева. Поэтому, когда Ерофеев противопоставляет положительного героя, т.е. нравственного человека, чье поведение принято в обществе, к нравственным ”монстрам”, т.е. главному герою произведения – палачу – это является провокацией. Литературовед Бпорис Петрович Борисов в своей книге *Постмодернизм* сказал: «деструкции подвергается живое человеческое сознание» (Борисов 2015: 77). Более того, у Ерофеева есть абсолютная свобода при описывании садистских сцен, которая не ограничена ни религией, ни нравственностью, ни правом. В этом видно влияние Маркиза де Сада, французского писателя, чья произведения насыщены насилием и садизмом. И сам Ерофеев сказал, что жертва необходимая фигура в садическом мире. В *Попугайчике* это мальчик. Атмосфера галантности, которая присутствует в милом европейском мире (донжуанизм) и в начале рассказа, исчезает, потому что начинается демоническая игра. В рассказе это мучение ребёнка. И в этом садическом мире милый и куртуазный язык уступает место грубому, бесцеремонному насилию. Но, во время мучения жертвы, палач замолкает, потому что он в экстазе. Ему это приносит самое высокое наслаждение. Более того, безнаказанность – особенность садического эксперимента, который присутствует в творчестве маркиза и в *Попугайчике*.

Благодаря этому, можно сказать, что Ерофеев человека считает источником зла, злобытием. В письме палача использовано много нецензурной лексики, грубого просторечия, что тоже воздействует и помогает при разрушении мифа человека. Кроме того, Ерофеева не интересует архетип палача в основном, его интересует архетип русского палача, т.е. природа русского насилия. Причина по которой палач мучит ребёнка и имеет власть над ним есть такая, чтобы получить собственное сладострастие и это проявление натуралистической эротики и гротеска, а можно сказать и абсурда. Если бы кто-то назвал палача «нечеловеком» и «нехристом», палач сказал бы, что бы это ему было обидно. Палач не видит ничего плохого в своих мнениях и действиях и считает, что «мучительство и страдание – богоугодное дело» (Ерофеев, эл. публ.). Он

наслаждается мучениями своей жертвы. Он – настоящий вершитель насилия и считает убийство и мучение своим гражданским долгом. Это такая же профессия, как любая другая, и он высоко уверен в своем достоинстве и профессионализме. Как советский и российский литературовед Наум Лазаревич Лейдерман в книге *Современная русская литература – 1950-1990-е годы* сказал:

«Ерофеев обнажает "иронию символов" (Р. Барт): то, что кажется нормой, укорененной в культуре и в истории, открыто для любой патологии, любого зверства. Более того, не знающее сомнений утверждение Нормы, в том числе и культурной (недаром палач постоянно апеллирует к авторитету "культуры мировой"), оборачивается торжеством патологии, пытки, мучительства» (Лейдерман и Липовецкий, 1968-1990: 139).

Сказ является жанром устного народного творчества о событиях прошлого или современности, в котором повествование ведётся от лица рассказчика. Одна из особенности поэтики Ерофеева – пародия сказа, какая-то игра стилистическими приёмами, типичными для этого жанра устного народного творчества, в котором речь обычно идет о событиях прошлого или современности, а повествование ведётся от лица рассказчика. Предложения длинные, совмещаются архаичный и современный языки. Герой-рассказчик пользуется архаичной, церемонной и вежливой лексикой, чтобы представить себя честным, уважающим: «почтеннейший Спиридон Ермолаевич»; «Последующий срам вам, любезный Спиридон Ермолаевич, несколько знаком» (Ерофеев, эл. публ.). Но, его язык противопоставлен его намерениями. Эта вежливость и честность контрастируют с открытой жестокостью палача. Это пример пародии, потому что сентиментальный тон речи палача не соответствует зверскому мучению невинного ребёнка. И самое письмо на самом деле средство, которое позволяет продлить наслаждение в воспоминаниях палача. Здесь видно как сам садист зависит от человека, которого мучит, т.е. от объекта своего садизма. Ерофеев нарушает единство времени и места. Его сказ – вид игры, и поэтому рассказчик пользуется разными приёмами (полисемия, инверсия, риторические вопросы), пытается затемнить смысл.

3. Владимир Сорокин

Обсуждая творчество Владимира Сорокина, Скоропанова в своей книге *Русская постмодернистская литература* подчеркивает, что Сорокин свою творческую деятельность начинает, как и Ерофеев, в середине 80-х гг в рамках московского художественного и литературного концептуализма. В своих ранних произведениях он деконструирует основные жанры и стили советской литературы; соединяет язык литературы соцреализма с языком «физиологического натурализма» (Скоропанова 2001: 259), абсурда, сюрреализма, чтобы шокировать читателей. Таким образом он хочет указать на тот факт, что официальная культура является источником идиотизации общества. Он обращается к объективированному, но безличностному типу письма, который имитирует авторское повествование. Но, в его произведениях можно видеть, что он чувствует отвращение к советской культуре (тоталитаризму) и считает, что это эстетический идиотизм. В то же время, он хочет войти в глубину. Поэтому он с помощью шизоанализа подвергает деконструкции языка официальной культуры и стремится обратить язык официальной культуры против неё же. Он создает иллюзию соцреалистической текстовой реальности, вставляет ничем между собой не связанные абсурдистские фрагменты и завершает шоковым натуралистическим эпизодом. Он, как и Ерофеев, уделяет своё внимание чудовищному, отвратительному и всему скрытому в глубинах бессознательного, которое, в конце концов, выходит на поверхность.

3.1. Заседание завкома – анализ

Рассказ *Заседание завкома* Владимира Сорокина первый раз опубликован в 1992 году в сборнике рассказов *Первый субботник*. В первой части этого рассказа описано заседание заводского комитета (в рамках театральной постановки), на котором члены завкома обсуждают службу «тунеядца и алкоголика» Витьки Пискунова и вдруг решают расстрелять его за нарушение трудовой дисциплины (Сорокин, эл. публ.). Вторая часть рассказа – описывание участия членов завкома в странном и отвратительном ритуале насыщенном абсурдом и жестокостью. В соцреалистических произведениях проявление мотива расстрела в этом контексте не существует. Максим Петрович Марусенков в своей диссертации сказал:

«Но именно этот мотив, по мысли писателя, отсылает к подлинной реальности советского времени, которая неожиданно вторгается в литературные декорации соцреализма и что,

вторжение действительности ведет к разрушению принятых в соцреалистической литературе конвенций» (Марусенков 2010: 9).

Момент, в котором герои рассказа впадают в коллективное безумие и исполняют кровавый ритуал, обозначает ломку дискурса. Во время ритуала они выкрикивают некоторые неясные слова: «прорубоно», «прободело», «проболело», «убойно» и т.п. В конце рассказа, можно увидеть как соцреалистическая постановка сменяется абсурдистской: «Из-за кулис, согнувшись, вышел Хохлов. На спине его лежал большой куб, изготовленный из полупрозрачного желеобразного материала. От каждого шага Хохлова куб колебался» (Сорокин, эл. публ.). Можно сказать что, по мнению автора, абсурдистские сцены гротескно указывают на бессмыслицу советскости.

Литературовед Ольга Сергеевна Исакова в своей статье *Тело текста. Заметки о прозе Владимира Сорокина* упоминает и интерпретацию русского философа и культуролога Михаила Рыклина. Он выделяет в произведениях Сорокина «две главных составляющих: романтическую и формальную. И, действительно, позицию Сорокина можно назвать «антикультурной» (романтической), в том смысле, что он «злонамеренно» противопоставляет свое творчество культурному как приличному, нормальному» (Исакова, эл. публ.). Исакова утверждает, что Сорокин каждый текст считает тоталитарным, потому что каждый текст построен по каким-то нормам. Тексты Сорокина не тоталитарны и не конвенциональны; он их разрушает. И так, Исакова письмо Сорокина называет «белым письмом», т.е. письмом, которое обыгрывает традиционные метакоды; оно ничего не предлагает взамен, кроме игры этими кодами. Отсутствие нормы у Сорокина само должно стать нормой (пародия релятивизма). Дискурс начинает уничтожать сам себя, и язык переходит от афазии к дислексии. Этот больной язык притворялся здоровым и герои уже не могут контролировать процесс саморазрушения. (Исакова, эл. публ.)

Вместе с тем, литературовед Марк Липовецкий в книге *«Это просто буквы на бумаге...» Владимир Сорокин: после литературы* говорит, что в рассказах, которые составляют *Первый субботник*, соцреализм «возвращается к своему структурному ядру, все дискурсивные элементы разгоняются до своего максимума, при этом культурное переходит в природное и наоборот» (Липовецкий, Калинин, Добренко, эл. публ.). И так, дискурсивная власть переводится во власть насильственную, причем образы, выражающие эту власть, вызывают непосредственную эмоциональную

реакцию – отвращение. И результат этого парадоксален: абсурдность дускирса достигает гармонию, которая вызывает рвоту. *Первый субботник* имел экспериментальный характер; Сорокин манипулировал письмом соцреализма, и с соцреализмом вообще, и в конце, деконструировал его. (Липовецкий, Калинин, Добренко, эл. публ.)

В книге *Русская постмодернистская литература* Скоропановой находятся многие интерпретации и статьи литературоведов и критиков. Одна из них и интерпретация профессора Дэвида Гиллесли, который сказал: «Проза Сорокина характеризуется абсурдом, жестокостью, концентрацией разного рода сексуальных, аномально-фекальных и просто гротескно-ошарашивающих подробностей» (Скоропанова 2001: 261). Все эти сцены описаны на языке натурализма, и он тоже использует мат и считает его равноправным языком социалистического реализма. Сорокин, на самом деле, уравнивает соцреалистическую текстовую и шизоидную реальности. Его цель, та же самая, как и цель Ерофеева – шокотерапией и абсурдизмом шокировать читателя. Но, отношение Сорокина к читателю очень интересно. В отличие от Виктора Ерофеева, Сорокин не пользуется постмодернистской персонажной маской. По мнению Зиновия Зинка «в прозе Сорокина отношение к читателю начисто отсутствует» (Скоропанова 2001: 262). Он не вмешивается в порядок вещей и пользуется безличностным типом повествования. Самый автор отсутствует, то есть он растворяется в приёме. Virtuозность Сорокина – его стиль писания. Материалом описывания является советская культура, но его писание вызывает отвращение и страх. *Заседание завкома*, можно сказать, деконструкция идеи творческого процесса и души. Он сам сказал, что все страсти, мучения и смерти его героев – только «буквы на бумаге» (2001: 264). Его сочинения – деконструкция и нападение на традиционную литературу. Он разрушает не только традицию, но и образ человека. Он имитирует язык литературы, то есть основные элементы соцреализма и строит что-то новое и оригинальное (пастиш), делает то же самое, что и Ерофеев.

Российский учёный Игорь Викторович Смирнов в своей интерпретации считает, что общей характеристикой двух авторов является «антикаллизм – обращение к "жестким" эстетическим ценностям, которые пересекают границу эстетического» (2001: 282). Примеры антикаллизма – в *Попугайчике* мучение ребёнка, а в *Заседании завкома* убийство и мучение уборщицы. Из-за антикаллизма, большинство произведений Сорокина и Ерофеева вызывают эффект отталкивания и реакцию

неприятия антиэстетического. Как уже сказано, Сорокин включает в текст очень много отвратительных и страшных натуралистических сцен. Они обозначают ярость и злость, которые выходят на поверхность вне контроля сознания.

Общей характеристикой его произведений является лишение жизни (цель – достичь эффект мертвенности), и в этом процессе доминирует аномальное, чудовищное и абсурдное. Всё это внутренний образ позднесоветской действительности и жизни, что уже не похожа на жизнь, а только так выглядит на поверхности. С помощью языка симулякра, Сорокину удалось обнаружить внутренний мир, смысл тоталитаризма и советскости (заглянуть в глубину), но с той высоты обзора, которую дает культура.

Для него утопия означает не достижение совершенства, а разрушение (деконструкция дискурсивных и/или социальных практик, дискурсивный коллапс или глобальный апокалипсис). Также можно сказать, что утопия Сорокина является реализацией внутреннего понятия самой «утопии», и эта материализация метафор – одна из самых важных особенностей его поэтики. Непонятные слова, которые герои проносят во время безумия отличный пример этого «апокалипсиса». Сорокин таким образом стремится указать на то, что Россия в нынешнем режиме – коллапс и разрушение. Его писание не только отменяет прошлые табу и уничтожает все понятия власти, но и не предлагает никакого обновление или решение.

Сам Ерофеев в своей статье *Русские цветы зла* называет Сорокина "монстром новой русской литературы, а также её небожителем:

«Тексты Сорокина похожи на мясо, из которого вытекла кровь и которое кишит червями. Это блюдо, приготовленное разочарованным романтиком, мстящим миру за его онтологическое неблаголепие, вызывает у читателя рвотный рефлекс, эстетический шок. Впрочем, ограниченность меню, повторяемость приема (ср. с Мамлеевым, которого в известной степени можно назвать учителем Сорокина) постепенно ослабляет первоначальное впечатление» (Ерофеев, эл. публ.).

4. Сходства и различия

По мнению Ерофеева, зло управляет русской литературой в последней четверти XX века. Большинство текстов этого времени говорит о странствиях русской души и можно их назвать цветами зла (*fleurs du mal*). Ерофеев и Сорокин, как и другие современные писатели, пародируют мечту «сталинских» писателей (Ерофеев, эл. публ.). Их стиль повествования и их произведения – провокация.

Хотя Виктор Ерофеев и Владимир Сорокин в своих произведениях занимаются сходными темами, насилием и разворотом. Из этих анализов *Попугайчика* и *Заседания завкома*, видно, что их стили повествования похожи. Они постмодернисты, любят провоцировать. Они играют со стилистическими приёмами, стилями и лексикой. Их произведения оставляют человека в тягостном, гнетущем настроении; а катарсис отсутствует. Тексты насыщены отвратительными натуралистическими эпизодами, ирреальное станет реальным, всё изменяется. Поэтому, в текстах видно разочарование в человеке и чувство безнадежности.

Но, существуют и некоторые различия между двумя текстами. Ерофеев в рассказе *Попугайчик* больше сосредоточен на самого человека, то есть на феномен человека. Он хочет обнаружить все желания и капризы человека, которые скрыты и редко выходят на поверхность. Он стремится указать на монстра внутри нас. У него интерес к нарушенной психике человека.

Ерофеева и Сорокина интересует отношение власти и человека, но у Ерофеева интерес не только к советской, но и к любой власти. В *Попугайчике* хорошим примером является власть палача над мальчиком. С другой стороны, соцреализм для Сорокина представляет власть – все нормы и правила, которые надо соблюдать не только в советской литературе, но и в советской жизни (тоталитаризм). В рассказе *Заседание завкома*, Сорокин с помощью безумия хочет иллюстрировать свой внутренний мир и свое мнение о режиме власти в России. Кроме того, в отличие от Ерофеева, Сорокин не пользуется постмодернистской персонажной маской. Он предпочитает безличностный тип повествования. Манера повествования Сорокина традиционна до ломки дискурса, т.е. до начала абсурда, деконструкции текста. Текст уничтожает сам себе бессмыслицами, которые произносят герои рассказа. Однако, у Ерофеева нет деконструкции языка. Он только играет стилистическими приёмами и пародирует сказ.

Он пользуется вежливой лексикой, чтобы затемнить намерения палача, т.е., чтобы затемнить смысл.

Ещё одна разница между двумя рассказами – сцены мазохизма. В обоих рассказах находятся много сцен садизма, но сцены мазохизма есть только в *Заседании завкома*. Можно сказать, что герой-палач в *Попугайчике* очень любит себя и он себе не может нанести вред. Это невозможно, такая мысль не существует в его уме. Однако, в *Заседании завкома*, несколько героев наносят себе вред и боль:

«Звягинцева медленно поднялась со стула, руки ее затряслись, пальцы с ярко накрашенными ногтями согнулись. Она вцепилась себе ногтями в лицо и потянула руки вниз, разрывая лицо до крови» (Сорокин, эл. публ.)

5. Заключение

Ерофеев в *Попугайчике* пытается показать самые мрачные желания и чувства человека. Он это достигает описыванием сцен, в которых герой-палач наказывает невинного мальчика по неуважительной причине. С другой стороны, Сорокину это удалось описыванием мучения и убийства уборщицы. Важным для Сорокина является также мазохизм, которого нет в рассказе Ерофеева. Цель Ерофеева заключается в провокации и вызывании шока, но не только языком насилия, но и указыванием на мрачную сторону человеческого сознания и подсознания. Цель Сорокина также провокация и шок, но он не проникает так глубоко в «болезненную», мрачную сторону человека, как и Ерофеев. Сорокин сосредоточен на советский мир в рассказе *Заседание завкома*; он пародирует советскую нравственную систему. Никаких советских признаков нет в рассказе Ерофеева. Мы даже не знаем, когда разворачивается действие рассказа, но «претензии Ерофеева идут гораздо дальше работы по именованию вещей и явлений» (Ермолин, эл. публ.).

6. Литература

Источники

Ерофеев, В.В. Попугайчик. Режим доступа: <https://knigogid.ru/books/280392-porugaychik/toread> (дата обращения: 24. 8. 2018).

Сорокин, В.Г. *Заседание завкома.* Режим доступа: http://www.srkn.ru/texts/persub_part6.shtml (дата обращения: 24. 8. 2018).

Литература

Бауман, З. 1995. *Жизнь во фрагментах: Эссе о постмодернистской морали.* Лондон: Блэкуэлл. Режим доступа: <http://www.nir.ru/sj/sj/bauman.htm> (дата обращения: 22. 8. 2018).

Борисов, Б. П. 2015. *Постмодернизм: Монография,* Москва-Берлин: Direct Media (стр: 77). Режим доступа: <https://books.google.hr/books?id=naE5CwAAQBAJ&lpg=PA77&ots=xM-LgYQbs5&dq=%D0%BF%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%BC%20%D0%B8%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B5&hl=hr&pg=PA77#v=onepage&q=%D0%BF%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%BC%20%D0%B8%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B5&f=false> (дата обращения: 22. 8 2018).

Еролин, Е. 1996. *Русский сад, или Виктор Ерофеев без алиби.* Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/12/knobos04.html (дата обращения: 17. 9. 2018).

Ерофеев, В.В. 2003. *Маркиз Де Сад, Садизм и Хх Век.* Режим доступа: http://zhurnal.lib.ru/v/victor_v_e/markiz_de_sad.shtml (дата обращения: 23. 8. 2018).

Ерофеев, В.В. 2004. *Русские цветы зла.* Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=59144> (дата обращения: 23. 8. 2018).

Исакова, О.С. 2003. *Тело текста. Заметки о прозе Владимира Сорокина*. Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/isakova-os/telo-teksta-zametki-o-proze-vladimira-sorokina> (дата обращения: 17. 9. 2018).

Лейдерман, Н.Л.; Липовецкий, М.Н. 2003. *Современная русская литература – 1950-1990-е годы*, Том 2. Москва: Асадеме (стр: 139). Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/sovremennaya-russkaya-literatura-1950-1990-e-gody-tom-2-1968-1990-read-142770-139.html> (дата обращения: 22. 8. 2018).

Липовецкий, М.; Калинин И.; Добренко Е. 2018. «*Это просто буквы на бумаге...» Владимир Сорокин: после литературы*. Режим доступа: https://books.google.hr/books?id=SfRmDwAAQBAJ&pg=PP192&lpg=PP192&dq=сорокин+заседание+завкома+абсурд&source=bl&ots=XfhFхobP1g&sig=c7sXOoVqrd3RscTWwznHHyGGIzI&hl=hr&sa=X&ved=2ahUKEwjVr_yT9rfdAhVMKFAKHS4IAYUQ6AEwDXoECAUQAQ#v=onepage&q=сорокин%20заседание%20завкома%20абсурд&f=false (дата обращения: 17. 9. 2018).

Марусенков, М.П. 2010. *Абсурдистские тенденции в творчестве В. Г. Сорокина*. Москва. Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~ref/avtoreferat2010/marusenkov.pdf> (дата обращения: 24. 8. 2018).

Мороз, О.В. 2015. *Культурологические проекты современной литературы: две волны русского постмодернизма (Вен. Ерофеев, В. Сорокин)*. Москва: Издательство «Эйдос». Режим доступа: https://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/03_2015/ijcr_3-20-2015_moroz78-91.pdf (дата обращения: 22. 8. 2018).

Скоропанова, И.С. 2001. *Русская постмодернистская литература*. Москва: Издательство «Флинта»; Издательство «Наука». Режим доступа: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/skoropanova-russ-postmodern-lit.htm> (дата обращения: 22. 8. 2018).

7. Sažetak

Ovaj je završni rad analiza dviju pripovijetki ruskih postmodernističkih autora, Viktora Erofeeva i Vladimira Sorokina. Cilj je rada kroz zasebne analize, ali i usporedbu stilova i poetika izabranih autora potvrditi a) korištenje šoka kao osnovnoga pripovjednoga postupka te b) tematsko-motivsku uronjenost u sadizam s ciljem razotkrivanja sadističkih elemenata ljudske psihe. U oba teksta prisutna su tipična obilježja (ruskoga) postmodernizma: dekonstrukcija jezika i stvarnosti, simulakrum, miješanje stilova i provokacija. Erofeevljeva pripovijetka *Papigica* zapravo je pismo krvnika, upućeno ocu mučenoga dječaka – dječaka koji je osuđen zbog pokušaja uskrsnuća mrtve ptice. Kroz odnos otac – dječak – vlast, odnosno žrtva – krvnik pripovijetka tematizira problem nasilja, kako na pojedinačnom primjeru, tako i u širem, općenitijem smislu. S druge strane, Sorokinova pripovijetka *Zasjedanje tvorničkog komiteta* temu sadizma i nasilja obrađuje na posve drugačiji način. Radnja i jezik Sorokinova djela započinje u duhu socrealizma – detaljnim opisivanjem sastanka odbora jedne tvornice, likova i prostora. No „nakaradno” i problematično ponašanje radnika Vitje Piskunova pripovijetku udaljuje od socrealističke poetike te je približava postmodernističkoj nasilno-sadističkoj poetici: članovi odbora zapadaju u ludila, izgovaraju besmislice te izvršavaju ritual, koji uključuje nasilje, mučenje i ubojstvo nevine čistačice. Zaključak analize pokazuje da su oba pripovjedača sklona šoku, ali na dva različita načina. Erofeev u *Papigici* želi istražiti mračne i neistražene predjele ljudskog uma. Sorokin, s druge strane, u jeziku vidi i prepoznaje nasilje i sadizam. On parodira naizgled savršenu stvarnost pod kojom tinja zlo i nasilje te kroz apsurd i jezik (nepovezano bunčanje) pokazuje njegovu okrutnost, čime kritizira totalitarizam i sovjetske vlasti.

8. Ključne riječi

Ključne riječi: Viktor Erofeev, *Papigica*, Vladimir Sorokin, *Zasjedanje tvorničkog komiteta*, dekonstrukcija, šok, nasilje

Ключевые слова: Виктор Ерофеев, *Попугайчик*, Владимир Сорокин, *Заседание завкома*, деконструкция, шок, насилие

9. Životopis

Rođena sam 21. kolovoza 1994. godine u Zagrebu. Srednju školu, Gimnaziju Lucijana Vranjanina (jezični smjer), završila sam u Zagrebu 2013. godine. Iste godine svoje obrazovanje nastavila sam u Zagrebu gdje sam upisala studij Anglistike te Ruskoga jezika i književnosti na Filozofskom fakultetu Sveučilišta u Zagrebu. Preddiplomski studij Anglistike završila sam 2017. godine i iste sam godine upisala diplomski studij Anglistike, lingvistički smjer. Koristim se engleskim i ruskim jezikom.